

Список использованной литературы, приведенный в конце диссертации, богат, он занимает 18 страниц.

В целом техническое оформление диссертации корректно, работа написана хорошим языком.

<https://doi.org/10.3176/lu.1974.3.12>

Л. И. Тураева, Эзянские говоры верховьев рек Черемшана, Шешмы и Кичуя на территории ТАССР (морфология). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1972.

6 апреля 1973 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук ассистентом кафедры мордовских языков Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева Л. И. Тураевой. Диссертация подготовлена под руководством доцента Д. В. Цыганкина. Автор показала себя эрудированным исследователем, работа вполне заслуживает той высокой оценки, которую дали ей официальные оппоненты академик АН ЭССР, доктор филологических наук профессор П. Аристе и кандидат филологических наук М. Д. Имайкина.

Диссертация, представляющая собой описание морфологии ряда эзянских говоров на территории Татарской АССР, является звеном в планомерном изучении мордовских диалектов, начатом в 1958 г. Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики и кафедрой мордовских языков университета. Она продолжает исследование мокшанских и эзянских говоров, находящихся за пределами Мордовской АССР.

Вследствие того, что вышеуказанные говоры, сформировавшиеся в условиях иноязычного окружения, до сих пор специально не изучались, а сведения о них могут представить определенный интерес при рассмотрении грамматического строя мордовских языков и при исследовании этнической истории мордовского народа, выбор темы представляется вполне актуальным и своевременным.

Перед исследователем стояла сложная задача — разобраться в пестроте языковой картины, обусловленной рядом причин, основными из которых являются, во-первых, то, что мордва на указанной тер-

ритории образует пришлое с разных мест население, говоры которого неоднородны по своей фонетической и морфологической структуре; во-вторых, то, что эти говоры уже давно развиваются, влияя друг на друга и контактируя с татарским, чувашским и русским языками.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

ритории образует пришлое с разных мест население, говоры которого неоднородны по своей фонетической и морфологической структуре; во-вторых, то, что эти говоры уже давно развиваются, влияя друг на друга и контактируя с татарским, чувашским и русским языками.

С поставленной задачей, как нам кажется, автор справилась: рецензируемая работа представляет собой ценный вклад в мордовское языкознание.

В первой части диссертации Л. И. Тураева дает краткий обзор истории изучения мордовских диалектов, а также приводит некоторые этнографические сведения, справедливо считая, что развитие языка (говора) неразрывно связано с историей его носителей. На основе косвенных данных автор делает вывод, что мордовское население на территорию исследуемых говоров пришло приблизительно 300 лет тому назад из Нижегородской и Пензенской губерний. Говоры по своим фонетико-морфологическим особенностям распадаются на три группы.

Основную часть диссертации составляет описание морфологии вышеуказанных эзянских говоров, где делается вывод, что они, имея ряд специфических особенностей, отличающих их от литературного языка и других эзянских диалектов, принципиальных расхождений с морфологической системой последних не обнаруживают.

В исследуемых говорах выделены те же части речи, что и в эзянском литературном языке: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, частицы, союзы. Анализу их морфологических категорий и посвящена данная работа.

Характеризуя грамматическую категорию числа существительного, которая в общем не отличается от таковой в литературном языке, диссертант отмечает

ряд особенностей, связанных, по всей вероятности, с сохранением древних языковых явлений: 1) в некоторых из исследуемых говоров после гласных переднего ряда, непарных согласных с предшествующей переднерядной огласовкой выступает аффикс *-т*; 2) в багряж-никольском диалекте полнее, чем в литературном языке, проводится числовая дифференциация в сфере обладаемого: оно располагает числовыми показателями при обладателях 2-го лица ед. числа и 1-го лица мн. числа.

Вполне оправдано, на наш взгляд, выделение в говорах 13 падежей: кроме 11 падежей, соответствующих падежам литературного языка, в качестве словоизменительных рассматриваются комитативные и лативные формы. Доводы, в силу которых эти формы в лингвистической литературе не считаются падежными (не проходят по указательному и притяжательному склонениям и не определяются прилагательными), нам представляются недостаточно вескими, так как формы с истинными падежными значениями образуются лишь в рамках основного склонения, кроме того, латив может иметь при себе в качестве определения прилагательное (*пижэ вир'эв мол'д'ано, мазы вир'эв мол'д'ано* 'в зеленый лес пойдём, в красивый лес пойдём').

В исследуемых говорах автор выделяет три склонения, оформление которых, в целом мало отличающееся от литературного языка, имеет некоторые особенности: 1) прямое дополнение, выраженное нарицательным существительным, может иметь форму генитива, что невозможно в литературном языке; 2) датив имеет усеченный показатель; 3) в инессиве, кроме аффиксов *-со, -сэ*, употребляется *-снэ, -нэ*; 4) в говоре некоторой части жителей показатель определенности *-с'*, утвердившийся в сфере номинатива, проник в формы косвенных падежей, образуя с другим показателем определенности *-т'* плеонастическое сочетание, сложный формант *-с'т'*; 5) наибольшим своеобразием отличается указательное склонение говора с. Багряж-Никольское, структура которого в единственном числе аналогична структуре форм множественного числа.

В этом разделе наряду со старыми формами диссертант отметила появление новых элементов — вытеснение некоторых

синтетических падежных форм аналитическими образованиями.

Интересное явление представляет собой прилагательное исследуемых говоров: автор приводит случаи его согласования с существительным в одних говорах в числе, в других — в падеже. Тот факт, что это явление характерно для прибалтийско-финских языков, свидетельствует о том, что оно восходит к тому периоду, когда мордовский и прибалтийско-финский языки-основы были тесно связаны между собой.

Тонкие наблюдения над языковым материалом и верные выводы содержит раздел о грамматических категориях глагола, обнаруживающего большое разнообразие личных форм по говорам. Так, личные окончания 1-го лица мн. числа настоящего-будущего времени в одних говорах сохранили старый аффикс *-м* (*-там, -там*), в других — аффикс *-н* (*-тано, -дано, -танок, -данок*), в третьих употребляется *к*-овый показатель множественности. В 1-м лице мн. числа прошедшего времени в ряде говоров отсутствует *к*-овый показатель множественности.

Отмечена специфическая особенность инфинитива, который в ряде сел, кроме известных суффиксов *-мо, -мэ, -мс*, может иметь показатель *-мокс, -мэкс*. Обращает на себя внимание выявленное диссертантом своеобразие оформления инфинитива в говоре с. Мордовская Кармалка, где суффикс *-мс* вообще не известен.

Справедливо утверждение автора о том, что в рассматриваемых говорах, как и в литературном языке, основными являются три наклонения глагола: изъявительное, повелительное и сослагательное. Остальные наклонения (условное, желательное, побудительное и условно-сослагательное) по семантике близки либо к повелительному, либо к сослагательному, но имеют свои морфологические показатели. Однако формы этих наклонений в настоящее время вытесняются из речи аналитическими конструкциями.

Объектное спряжение глагола характеризуется наличием ряда особенностей: в 3-м лице ед. числа настоящее-будущего времени при объекте действия в 3-м лице ед. числа, наряду с формантом *-сы*, встречается *-сазо*; объектные показатели того же времени ряда 'я — его', прошедшего времени в 1-м и 3-м лице ед. числа мо-

гут быть осложнены дополнительным формантом -т и т. д.

В этом разделе автор пишет о суффиксах видовой направленности. Относительно финно-угорских языков термин «видовой» нельзя считать удачным, поскольку в них нет видов, характерных для индоевропейских языков, а рассматриваемые суффиксы выражают лишь многократность или длительность действия.

В последних разделах диссертации анализируются наречия и служебные части речи, одной из морфологических особенностей которых считается неизменяемость. Однако едва ли можно согласиться с подобным утверждением относительно наречий и послелогов, которые в мордовских языках, как и в других финно-угорских, частично все же изменяемы. Что касается употребления послелогов, то следует отметить, что там, где автор указывает на номинатив основного склонения, очевидно, имеет место абсолютная форма имени.

К диссертации приложены фонетический очерк и образцы речи вышеуказанных говоров, которые обогащают ее и

делают полней языковую картину исследуемой территории. Исключительно ценно первое приложение, где отмечаются специфические особенности звуковой системы рассматриваемых говоров. Второе приложение содержит богатый фактический материал (песни, сказки, бытовые рассказы) с переводом на русский язык, расположенный по группам говоров.

Диссертация Л. И. Тураевой представляет собой ценное исследование, основанное на анализе богатого фактического материала методом сравнения и сопоставления с данными литературного языка и других, изученных говоров, что свидетельствует о большой эрудиции автора в данной области языкознания.

Диссертанту удалось показать в исследуемых говорах, с одной стороны, старые явления, что важно для истории языка, с другой стороны, — новые, возникающие, в частности, под влиянием языковых контактов, что необходимо для разработки проблем современного языкознания.

М. Д. ИМАЙКИНА (Саранск)

Е. А. Игушев, Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 1973.

6 апреля 1973 г. на заседании Совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук младшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР Е. А. Игушевым. В качестве официальных оппонентов выступили академик АН ЭССР, доктор филологических наук профессор П. Аристэ и кандидат филологических наук доцент С. В. Смирнов.

П. Аристэ отметил, что во всех коми диалектах встречаются древние и более новые русские заимствования, как результат длительного контактирования русского и коми языков. Особенно тесное взаимодействие этих языков происходило в тех районах, где коми говорят на ижемском диалекте (Ижемский, Интинский, Усть-Цилемский, Ухтинский, Печорский районы Коми АССР). Е. А. Игушев по-

ставил перед собой задачу не только выявить слова русского происхождения в этом диалекте, но и определить те русские говоры, из которых происходило заимствование, исследовать фонетические, морфологические и семантические признаки заимствованных слов, дать их группировку. Все эти задачи автором диссертации решены весьма успешно.

Во введении приводятся данные об информаторах, месте ижемского диалекта в системе коми наречий, истории заселения этого края. По мнению рецензента, было бы весьма желательно, чтобы в будущем автор больше внимания обратил на явления языковой мены, имеющей в коми языке интересную специфику; подробнее рассмотрел, какие заимствования ижемцы восприняли от первых русских переселенцев и какие от тех коми, которые переселились на север из более южных районов; исследовал вопрос о взаимоотношениях русских, а также ненецких заимство-